

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ПРАВА

Рассматривая проблему толкования норм, необходимо прежде всего определить объем самого понятия «толкование», который является спорным в юридической литературе. При этом следует учитывать, что термин «толкование» тесно связан по содержанию с понятием «познание» («Толк есть смысл, разумное содержание чего-нибудь») [Словарь русского языка, 1953].

Отсюда следует признать основой толкования правовой нормы уяснение ее смысла. Именно уяснение характеризует гносеологическую природу процесса толкования, его направленность на познание смысла правовых явлений. Тем не менее, большинство авторов считает, что толкование есть процесс не только уяснения, но и разъяснения смысла правовой нормы. Другие стоят на позициях, что лишь разъяснение определенным субъектом содержания норм закона отвечает смысловой нагрузке понятия «толкование». Так, Н. Н. Вопленко считает уяснение лишь начальной ступенью толкования, логическим продолжением которой является разъяснение. Официальное толкование, например, он рассматривает как «выражающуюся в особом акте интеллектуально-волевою деятельностью по уяснению и разъяснению смысла норм права в целях их наиболее правильной реализации» [Вопленко, 1976, 10]. На таком понимании понятия толкования настаивает и А. В. Осипов, утверждая, что процесс толкования направлен не только на установление точного смысла, содержащегося в норме права предписания, но и на обнаружении его для всеобщего сведения. Исходя из этого, автор подразделяет данный процесс на два элемента: уяснение толкующим субъектом (интерпретатором) содержания правовой нормы для себя, а затем, в целях установления одинакового понимания и применения, разъясняет смысл и содержание правового предписания для всех заинтересованных лиц [Теория государства и права..., 1997, 440].

Данное понимание, на наш взгляд, является слишком широким. Надо иметь в виду, что далеко не всегда вслед за уяснением следует разъяснение правовых норм. Как верно отмечает М. В. Цвик, разъяснение правовой нормы хотя и связано с толкованием (уяснением), но является не составной частью, а результатом. Последняя позиция, признающая уяснение особым видом мыслительной деятельности по раскрытию точного содержания закона «для себя», что и является собственно толкованием, по моему мнению, наиболее обоснована. Известно, что толкованию (уяснению) под-

лежит всякая правовая норма. Без определения ее смысла, назначения, невозможно ее правильное применение. Но разъяснение содержания правовой нормы осуществляется при ее применении далеко не всегда. Иногда достаточно бывает лишь уяснения содержания правовой нормы для ее реализации.

Нельзя согласиться с О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородским, считающих догматизмом попытки отделить уяснение смысла правовых норм от их толкования, утверждая, что процесс познания правовых норм «для себя» никакого юридического значения не имеет [Иоффе, Шаргородский, 1956, 135]. К этому мнению присоединяется и П. Е. Недбайло [Недбайло, 1960, 328–329].

Действительно процесс уяснения норм права вовсе не выражается, но в то же время является основой всего процесса реализации правовых норм. Именно он обеспечивает их правильное и глубокое понимание, предохраняет от возможных ошибок в процессе правоприменения. Без него вообще невозможно применение правовых норм. Поэтому разработка теоретических вопросов, касающихся правильного уяснения содержания норм права имеет большое значение с точки зрения укрепления законности и является одной из важных задач науки права.

А. С. Пиголкин считает, что уяснение и разъяснение права выступают как разнородные явления, отрицая положения М. Д. Шаргородского, А. С. Шляпочникова и Л. С. Явича о том, что проблема толкования – это единая, неразделимая проблема, что процесс уяснения правовой нормы и ее разъяснение составляют единый процесс познания смысла правовой нормы [Пиголкин, 1962, 9].

Что касается вопроса о месте разъяснения в процессе применения норм права, то его нужно признать этапом, следующим за толкованием только тогда, когда имеется необходимость довести смысл нормативного документа до лиц, заинтересованных в его уяснении. В этом случае, уяснение смысла правовой нормы его адресатами возможно лишь при наличии разъяснения компетентного органа.

Итак, толкование представляет собой интеллектуально-волевую деятельность по уяснению смысла правовой нормы, результат которой может иметь официальный (официальный акт государственного органа) и неофициальный характер (даваемые общественными образованиями или отдельными лицами рекомендации и советы, не являющиеся формально обязательными) в зависимости от субъекта, производящего толкование.

Толкование является субъективной, сугубо индивидуальной мыслительной деятельностью людей, которые в ее процессе осознают смысл нормы, раскрывают ее содержание. Ни юридические лица, ни государственные органы не обладают данным качеством.

Толкование ими права является опосредованным результатом мыслительной деятельности людей, уполномоченных официально выступать от имени данного органа.

Применительно к юридической природе официальных разъяснений возникает проблема – носят ли они нормативный характер?

Официальные разъяснения необходимо рассматривать отдельно от содержания правовых норм, считает П. Е. Недбайло, указываящий, что «... признание толкования частью нормы, от кого бы оно ни исходило, открывает возможность для изменения содержания нормы путем толкования, что может привести к произвольным действиям в процессе их осуществления» [Недбайло, 1960, 355].

На тех же позициях стоит Н. Н. Вопленко. Он отмечает, что, несмотря на неизменяемость отдельных правовых норм, существующие официальные разъяснения этих норм могут изменяться полностью или частично, поэтому рассмотрение официальных разъяснений в качестве составной части правовых норм приводит к явно неверному выводу об изменяемости содержания правовых норм в процессе их истолкования [Вопленко, 1976, 32]. Между тем, в процессе осуществления правовая норма сама по себе остается неизменной с точки зрения содержания и задача толкования ограничивается лишь установлением того смысла, который вложил в нее законодатель. В то же время необходимо помнить, что общество никогда не стоит на месте, жизнь все время развивается, условия существования общества изменяются, возникают новые потребности, уходит в прошлое старое. Законодатель пытается предусмотреть возможность подобных изменений и стремится так сформулировать правовую норму, чтобы новые условия были учтены без изменения словесного выражения.

С учетом всего этого в процессе толкования немаловажную роль играет правильное понимание содержания и соотношения таких категорий как «дух» и «буква» закона. От того, на сколько правильно определен объем этих понятий, и, в особенности, их соотношение, зависит законность решений, принимаемых уполномоченными субъектами права.

В частности, под «духом» закона понимается тот смысл, который стремился вложить законодатель в ту или иную норму, воплощение тех основополагающих идей, ради осуществления которых был издан закон.

Что касается буквы закона, то под ней следует понимать тот смысл нормы, который вытекает из ее словесного выражения. В законотворческом процессе возможно возникновение проблемы,

когда законодатель по тем или иным причинам, в том числе выполнение требований законодательной техники о необходимости, например, максимальной лаконичности при формулировании текста закона, не добивается общедоступности выражения своей воли в каждом, отдельно взятом правовом предписании.

В таких случаях правоприменитель как раз и сталкивается с проблемой несовпадения «буквы» и «духа» закона. Для разрешения возникшей коллизии следует исходить из того, что: «... слова, в которых редактирована применяемая норма, являются только средством, при помощи которого автор нормы выразил вовсе иную мысль. Для юриста эти слова, которые в законе он изменить не может, суть только средства познания воли законодателя. При помощи толкования он, пользуясь словами закона, уясняет себе волю законодателя, скрывающуюся за этими словами» [Хвостов, 111].

Однако нельзя принять решение на основании одного «духа» закона, хотя он имеет первенствующее значение. Правоприменитель всегда связан «буквой» закона, поэтому он не может ограничиться выяснением его «духа».

«Дух» закона следует устанавливать только в рамках его «буквы». Для решения этой задачи можно применять систематический способ толкования, то есть устанавливать содержание нормы права на основе знаний о ее логических связях с другими нормами в системе права. Например, ч. 1 ст. 80 УК Украины [УК Украины ...] устанавливает ответственность за незаконные операции с валютными ценностями и как один из признаков указывает на значительный стоимостный размер совершаемого деяния. Но понятие «значительный размер» является оценочным и выражает только дух закона. В тоже время в применении к данной статье прямо указывается, что данная операция является совершенной в значительном размере, если стоимость ее предмета превышает двадцать пять минимальных размеров заработной платы, но не более ста. Здесь «дух» закона получает адекватное воплощение в его «букве».

В других случаях «дух» закона можно установить путем изучения материалов подготовки закона. Именно в процессе правотворческой деятельности авторы, эксперты и другие, участвующие в законотворчестве, субъекты, высказывают свои суждения по поводу отдельных положений закона, вырабатывается общее мнение, на основе которого и формулируются отражающие его «дух» положения закона. В целом правоприменитель должен исходить не только из установления «духа» закона, а из этого «духа», получившего отражение в «букве» закона.

Литература

1. Словарь русского языка. – М., 1953
2. Вопленко Н. Н. Официальное толкование норм права. – М., 1976.
3. Теория государства и права. Курс лекций. / Под ред. Н. И. Матузова и А.В. Малько. – М., 1997
4. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Некоторые вопросы науки теории государства и права // Вестник Ленинградского университета. – 1956. – № 17. – Вып.3.
5. Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. – М., 1960.
6. Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. – М., 1962.
7. Хвостов В. М. Общая теория права.
8. УК Украины с изменениями, внесенными согласно Указов ПВС от 27.06.61; от 21.07.61; № 6591-10 от 28.02.84, Законами № 2468-12 от 17.06.92; № 3890-12 от 28.01.94.